

Валентина ПАНИНА

МУХА,

или
МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

16+

Валентина Панина

Муха, или Мечтать не вредно

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Панина В. Г.

Муха, или Мечтать не вредно / В. Г. Панина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Две подруги, и они же сватья, живут в деревне. Обе - ещё молодые и полные сил женщины, одинокие в силу разных обстоятельств, коротают время вместе. Детей вырастили, сыграли им свадьбу, и те отправились в город. Сосед дед Василий частенько заходит к молодым женщинам. Он тоже одинок: прошло много лет, как сын пропал. Дед подавал в розыск, не нашли, но у деда надежда теплилась, он верил, что сын вернётся.

© Панина В. Г., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Муха

Не понимаю, что творится.
Во имя благостных идей.
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?

(Николай Зиновьев)

Глава I.

Летала муха вокруг дома, нарезала круги, ну никак не может попасть внутрь, летает и думает:

– Позакрывались!!! Хоть бы маленькую дырочку оставили! Ничего, вы меня еще не знаете! Всё равно найду, хоть малюсенькую и проберусь!

На очередном круге:

– Оооо!!! Вот она! Я всё-таки её нашла! Так, осторожно муха, крылышки не помни, хорошо... ещё чуть-чуть... вот! Всё, я в доме!!! Боже, как здесь хорошо! Кругом порядок, прохладно, вкусно пахнет и тишина. Теперь полетим на кухню, что там у нас на обед? Ага, салатик – хорошо, а на горячее – ах! Картошечка! Моя любимая! Быстро обедаем, пока не пришла хозяйка.

Только муха уселась на салатик, вошла хозяйка.

– Ну вот! – говорит муха, – не успела, так всегда: только аппетит разыграется – хозяйка тут как тут. Ладно, подождём.

Хозяйка увидела муху и говорит:

– Ты, вообще, откуда взялась? Я же всё везде позакрывала? Ну никакого спасения от них нет!!!

– Ага, – думает муха, – как же! От меня не закроешься! Есть захочешь – так пролезешь!

Хозяйка взяла полотенце и давай гоняться за мухой. Муха настороже, как бы этим полотенцем ей не прилетело.

– Ага! Крадётся! Щщщас! Так я тебе и далась! – перелетела в другое место, – побегай за мной, а я посмотрю, как у тебя получится! Так, сядем на скалочку, вот, хорошо! Опа!!!

Хозяйка ударила по скалочке, которая лежала на краю стола, скалочка резко взлетела, как выпущенный снаряд, и в окно, окно – вдребезги.

Сидит муха на стене, любитесь.

– Ну вот, теперь другое дело, большая дырочка появилась, а то чуть крылышки не помяла, пока пролазила.

– Ладно, пока ты стёклышки собираешь, я салатиком себя побалую, а то в твоём коровнике еда какая-то однообразная. Ой, хозяйка, что ж ты так резко метнулась к салатику-то, вот незадача, смахнула салатик на пол! Да ты не переживай так, я муха не гордая, могу и с пола поесть. Ооо! Ловкость рук – это хорошо, а пол-то скользкий! Упала? Ну, полежи, отдохни, а я пока картошечки поем. Мммм! Вкусно!!! Картошечка, похоже, с молочком и маслицем. Так, хозяйка, уже встала? Не надо так резко полотенцем размахивать, уже намахалась, окно разбито, салат на полу, сама вся в салате! Да успокойся уже, я ведь не на картошечке сижу, а на ручке твоей красивой блестящей кастрюли. Тааак! Не вняла уговорам! Мало тебе салата на полу? Убери полотенце!!! Что ж ты им размахиваешь!!! Куда кастрюлю-то, схватила, а я как же??? Мне что, без обеда оставаться??? Поста-а-а-вь!!! О боже! Опять упала? Ну, ты же знаешь, что пол скользкий, а тут стул стоит, на нём посидеть хорошо, а ты об него полежать

решила. Ну полежи. Я пока подкреплюсь, хотя бы с пола, зато перелетать не надо, тут тебе и салатик, и картошечка, всё вместе, а то похоже мне в этом доме не рады.

Хозяйка еле поднялась с пола, держась за голову, обеда как не бывало, окно разбито, а эта, паршивка, летает тут, как ни в чём не бывало. Всё равно поймаю, зараза такая!!!

Муха выслушала всё это и думает:

– Ага, не дождёшься! Полечу, наверное, в комнату, а то опять поскользнётся и упадёт, она хоть и злая, но готовит вкусно, жалко её. И полетела в комнату. На стене увидела зеркало и села на него.

– Посмотреть надо на себя, как я выгляжу после этого побоища, а то буду, как хозяйка, летать вся в салате. Нет, ничего! Красавица! Чистенькая, только голодная.

Зашла хозяйка с полотенцем в комнату и стала осматриваться:

– Ага, вот ты где, зззараззза! На!!!

Полотенцем по зеркалу, зеркало зашаталось, сорвалось со стены и вдребезги. Муха успела метнуться в сторону, села на люстру и смотрит, как хозяйка, ругаясь, собирает осколки. Говорит ей:

– Ты, хозяйка, мозги-то включай уже!!! Что размахиваешь полотенцем, как томагавком? Тебе жалко было для бедной мухи салатика? Смотри, что устроила? Весь дом разгромила, и сама без обеда осталась! Ага! Давай ещё по люстре ударь!!! Не жалко люстру? Сядь, отдохни, дыхалка-то ни к чёрту! Отдохнёшь, пойдёшь помойся, лахудра в салате!!!

Муха перебралась на люстре повыше, сидит, прихорашивается, тут прилетела ещё одна, села рядом.

– О, подруга, каким ветром?

– Да чё-то, похоже, я голодная, а отсюда вкусные запахи, думаю, дай залечу по пути, может, перекушу, а то с самого утра маковой росинки во рту не было.

– Ты лети на кухню, пока хозяйка отдыхает, там, на полу полно вкусной еды. О, нет! Подожди! Придётся внести коррективы. Сиди рядом со мной, как только хозяйка подкрадётся и замахнётся полотенцем на нас – резко разлетаемся в разные стороны.

Хозяйка пошла к ним со своим полотенцем, но передумала, открыла ящик тумбочки, вытащила оттуда кругленькую штучку и стала её разматывать.

– Сейчааас, мухи, я вам сладенькую ленточку повешаю, на ней и пообедаете. Тааак, сюда... и вот сюда.

Хозяйка растянула ленту и повесила её. А мухи сидели на люстре и смотрели на её манипуляции.

– Ну, мухи, летите на ленточку обедать!

– Ага! Щщщас! Всё бросим и полетим! Не дождёшься!!!

– Видала? – говорит муха подруге, – что удумала? Так, сидим и следим за хозяйкой. Она резкая, не успеешь крыльями махнуть, как прилетит полотенцем по башке.

Сидели они, сидели, подруге надоело ждать непонятно чего, и она полетела на кухню перекусить, чем бог послал. А муха следит за хозяйкой. Та закрыла дверь, взяла мухобойку и давай гоняться за мухой. Муха металась по всей комнате, стараясь увернуться от хозяйского полотенца, когда запыхавшаяся хозяйка села отдохнуть, муха решила воспользоваться этим и села на дверь. Сидит – дух переводит, загоняла её хозяйка совсем. Тут хозяйка вдруг увидела на двери муху и стала подкрадываться. Только подкралась к двери, резко замахнулась... дверь открылась, и нааа!!!

– Твою ж мать... ты сдурела?!! Что это было?!!!

– Сватья!!!! Да блин!!! Ты откуда взялась?!!!!!!

– Вот спасибо, сватьяшка, вот это приласкала между глаз!!! Ты за что это меня так? Я, значит, ей своего бычка племенного привела для её Рыжухи, а она меня – между глаз!!! Вот

тебе, а не моего бычка!!! – показав огромную фигу своей сватье Настасье, Марья пошла из дома, так и не поняв, что это было. Шла и ругалась:

– Блииин, за что прилетело, я чёт не поняла! И что за разгром у нее такой в доме...? Как Мамай прошел.

Настасья, забыв про муху, побежала догонять свою сватью, налаживать отношения. Где она ещё найдет такого племенного бычка для своей Рыжухи? И надо же было так резко ударить? Выскочила, как была, вся в салате, волосы в разные стороны, в руках мухобойка, о которой она с расстройства забыла.

– Сватья! Марья!!! Ну, сватья! Ну прости ты меня, я же на муху нацелилась, а ты так неожиданно открыла дверь, – бежала за ней со своей мухобойкой и вся в салате расстроенная женщина. А когда Марья к ней повернулась – Настасья поняла, что, скорее всего, не видать её Рыжухе племенного бычка. Под оба глаза сватьи Марьи опускалась краснота, которая к утру точно посинеет, и сватья с ней пока ещё разговаривает, потому что себя не видела в зеркале.

А та повернулась и говорит:

– Всё! Никакой первой очереди, хоть ты и сватья мне! В порядке общей очереди и не раньше! – отвернулась и пошла, гордо подняв голову, с осознанием того, как она строго наказала свою сватью и подругу, хоть и понимала, что та не специально её ударила мухобойкой.

А Настасья, вернувшись в дом, посмотрела на весь этот разор, тяжело вздохнула и принялась за уборку. Пока она всё убирала и отмывала, обед прошёл и наступил ужин, но не было ни обеда, ни ужина. Все, что она приготовила, лежало на полу красивыми разноцветными разводами, а по стенам стекал ручейками майонез.

– И что делать с этой мухотой? – убираясь, думала Настасья, – теперь ещё окно ремонтировать надо..., – затосковала она, – придется деда Василия привлечь к этому делу, он у нас от скуки на все руки.

Жила Настасья одна вот уже два года. Дочь Алёна, двадцатилетняя красавица, вышла замуж за сына ее подруги Марьи, которая жила рядом. Домик у Настасьи небольшой, но аккуратный, покрашенный снаружи. Внутри просторный, на окнах красивые белые занавесочки, всегда чистота, и когда только успевает.

Настасья с мужем разошлись, когда Алёне было десять лет. После развода он сразу уехал и даже не сказал куда. С тех пор он не появлялся и не писал, даже дочери. У Марии сын – Сашка, год назад пришел из армии, отслужил и вернулся в деревню к матери. Работящий, рукастый, смекалистый парень. Когда они после свадьбы с Алёной уехали в город, он быстро нашёл работу, устроился на СТО ремонтировать машины. В деревне, до армии и после армии, он работал с техникой, навык был, и поэтому, его сразу взяли на работу в ремонтную мастерскую. Отец Сашки, Родион, был охотник отменный, тайга тут большая, много всякого зверья, однажды попал на медведя-шатуну, он его и заломал, Сашке было одиннадцать лет. Отец его многому успел научить. Молодые женщины: Настасья и Марья вместе растили детей, помогали друг другу, как могли, им обеим не повезло в жизни, рано потеряли мужей, так вместе всю жизнь и крутятся, выполняя и женскую работу по дому, и мужскую. Раньше дети крутились вокруг них, забота была, а теперь остались одни. Дети в городе, приезжать им некогда. И теперь сватьи коротали время вместе.

На следующее утро не успела Настасья очнуться ото сна, принеслась к ней Марья и давай с порога орать:

– Ты, зараза!!! Ты чё мне с лицом сделала? Это что? Я теперь так должна ходить? А что люди подумают, кто это меня? – возмущалась и размахивала руками Марья, пришедшая показать, что с ней сотворила она своей мухобойкой.

А Настасья, ещё не проснувшись как следует, сидит и молча смотрит на свою сватью, а у сватьи фиолетовый синяк под оба глаза. Смотрела-смотрела, потом, как захохочет громко и заразительно!!!

– Ну и рожа!!! Да ты, Марька, просто красавица!!! Тебе синяки так идут, и глаза не надо красить!!! Ты только не говори никому, что это я тебя мухобойкой, лучше уж скажи, что твой бычок взбрыкнул, ты не удержалась на ногах и упала! – решила она повеселиться над Марьей, всё равно уж, хуже, чем есть – не будет. Рыжуху только жалко.

А Марья, сверкая глазищами из своих синяков, стоит злющая, и молча, смотрит на эту хохочущую сумасшедшую, которая, видимо, не понимает, что решается судьба Рыжухи. Смотрела-смотрела на нее и спрашивает:

– Смешно? А Рыжуху не жалко, шутница ты наша?

– Жалко! – перестав смеяться и тяжело вздохнув, говорит Настасья, – но я всё равно ничего уже изменить не могу. Слушай, Марька! А может, вечером баньку истопим, – пришла ей вдруг идея в голову, как задобрить сватью, – посидим, отдохнём, мировую выпьем, а?

Сватья Марья постояла, посверкала глазами, подумала, что с синяками, с баней и водочкой лучше, чем с синяками, без бани и без водочки, взгляд её смягчился и она, махнув рукой, сказала:

– А, чё, можно, давай баню! Хоть какая-то компенсация! Только за то, что ты сделала, топить баню тебе и стол накрывать тоже тебе, только с мухами осторожней, а то я вчера видела твой обед на полу, и тебя – всю в салате.

– Договорились! – обрадовалась Настасья.

И они, глядя друг на друга, стали хохотать и вспоминать, как всё это вчера было.

– Я открываю дверь, а мне оттуда – нааа!!! У меня аж звезды в разные стороны из глаз!!!

– А я вижу, муха сидит, ну она меня уже достала, я как дам по ней, а тут ты... и прямо тебе в лоб..., мне аж поплохело! Стою и чувствую..., у меня от страха... во всех местах... взмокло!

Нахохотались от души прямо до слёз и пошли управляться по хозяйству, договорившись встретиться позже.

Вечером натопили баню, напарились, сели за стол, выпили по рюмашке, и так им хорошо стало, что они решили не вспоминать, с чего начался их праздник. На столе у них стояла незатейливая закусочка: огурчики, помидорчики, картошечка отварная, посыпанная зеленью и, конечно же, бутылочка беленькой.

Тут, проходивший мимо сосед, дед Василий, услышав веселье, доносившееся из дома Настасьи, решил зайти посмотреть, по какому случаю праздник у соседки. Открыл калитку, зашел во двор, идет к дому, а оттуда смех, веселье. А Марья увидела его в окно и говорит:

– Идёёет, старый пень, не сидится ему дома, щцщас начнет жизни учить!

Дед Василий вошел, огляделся, думал, тут целая компания, а оказалось, сидят две сватьи, Марья с Настасьей и веселятся. Стол накрыт, как положено: рюмочки, водочка, огурчики. Тут Марья поворачивается, чтобы посмотреть на деда, а дед Василий как увидел её лицо, глаза выпучил и замахал руками:

– Марья!!! Итить твою в корень! Чур, меня, чур!!! – и захохотал во весь голос, – иде таких красавиц дают, закажу две!!! Кто это тебя так, Марья, ухайдокал?!! Ты таперича у нас на панду похожая! Не дай бог приснисси!

– А тебя сюда звали? Щцщас дохохочешься – сам пандой станешь! Не хочешь? Тогда иди отсюда, нам и без тебя весело!

– А, чё за праздник-то у вас, хучь скажите?

– Синяки новенькие, только вчера приобретенные, обмываем.

– Вона чё..., ну вы, девки, даёёёетя!!! – сказал удивлённый дед, – всяки праздники бывают, но чобы новеньки синяки обмывать, не слыхивал об ентом празднике!!!

– Иди, иди, пенё старый, не мешай нам! Переминается стоит с ноги на ногу, самым мало! Не ломай праздник женщинам! – говорила подвыпившая Марья.

– Ну и чё за жизнь, таки жлобски девки, етить твою в корень, пятьсят граммов пожалели для суседа!

– Не жалуйся на судьбу, ей, может, с тобой тоже не очень повезло! Представь, что тебе всё это приснилось, и иди куда шёл! Мужиков нам не надо, у нас девичник!

– Вот ведь вы каки, девки! Не цените, чё мужик на вас обратил вниманье. Сами знаете, чё у нас, у деревне, не хватат мужиков-то. Сидите вот тут вдвоём, шерочка с машерочкой, без мужиков празднуете, а како тако празднество без мужиков-то?

– Ага! Были бы у нас мужики, так мы, может, уже давно бы спились от таких праздников! Дефицит мужиков еще не повод цепляться за кого попало! Вся деревня развалилась, которые были более-менее мужики, уехали в город на заработки, а здесь остались одни старики да пьянь.

– Девки! Обидеть хотите? Ты, Настька, вот, к примеру, знашь, чё у табе крылечко покосилосся? И чё ты можешь исделать сама? Тут мужик нужон! А я же чисто по-соседски! Ты к мне по-хорошему, и я к табе по-хорошему. Вот завтрева сберу струмент, прииду и поправлю табе крылечко.

– Знаешь, дед Василий, – сказала Настасья, – вот когда поправишь, тогда мы с тобой обсудим, сколько грамм тебе налить, и дефицит каких мужиков у нас в деревне. А сейчас давай, иди домой!

– Ну, ёлки-зелены! Чё заходил? – разочарованно сказал дед Василий, – думал праздник у людей, посижу, пообчаюся! А оно воно, как обернулося! Помешал девкам праздновать, новы синяки..., хм! Ладно. Пошёл я. Завтрева приду, крылечко править, слышь, Настасья? – обернулся в дверях дед, – загуляли, не слышат! – ворчит дед Василий, выходя из дома Настасьи.

Утром чуть свет, Настасья встала, чтобы подоить Рыжуху, вышла на крыльцо, посмотрела вокруг, порадовалась наступающему дню, посмотрела на деда Василия, который уже колдовал около крылечка, примеряя доски.

– Дед! Ты чё так рано? Еще петухи не пропели, а ты уже за работу взялся.

– Ты, Настька, за мене не волнуйси, я своё наспалси, а ты вот чё таку рань вскочила? Корову доить ишшо не время, иди, спи!

– Да чё-то не спится!

– Не спится ей! Мужик табе нужон, чёб хорошо спалосся! – ворчал дед Василий.

– Поздно мне, дед, думать о мужиках, вон скоро внуки уж пойдут.

– Настька!!! Ты охренела!!! Лет то табе сколь? Поди сорок нет ишшо?

– Нет, дед, мне уже сорок два годика натикало. Дочь уже год, как замужем, может, скоро внуков дождусь.

– Одно другому не мешат, можно и замуж выйтить, и внуков ждать.

– Дед! Да не за кого у нас в деревне замуж выходить!

– Как не за кого? А вона у Кольки Загороднева, сын Лёха, из городу возвернулся, красавец, весь причесанный, приглаженный, чем табе не жаних?

– Ага, причесанный, приглаженный! Тянул, тянул с родителей деньги, а теперь приехал к ним, на шею сесть. Нет, дед, это не жених, а обуза. Даже с приплатой не возьму. Что ж его жена то выставила? Хороших мужиков не выставляют за дверь.

– Ох, Настька, и капризна ты девка! Он жа молодой мужик, найдёт работу, будя деньгу у дом приносить, опять жа, мужска рука у дому.

– Дед Василий, ты меня сватаешь, что ли? – Настасья присела на крылечко рядом с дедом и хитро на него посмотрела.

– Да больно надобно! Тебя сосваташ, как жа! Ты вона кочевряжлива какА! Всё табе не так. А он токмо приехамши, када бы успел работу найтить?

– Дед, он столько лет жил в городе, что ж ему там не работалось? Приезжал к своим старикам и тянул с них последние копейки, рассказывая всякие жалостливые истории. А, старики, уже еле ползают, свои копеечные пенсии складывают в коробочку, чтобы ему, здоровому мужику, отдать, которые он пойдет и тут же пропьет. Урод! – зло сказала Настасья.

– Ну..., это да... – сказал дед, задумчиво глядя вдаль.

– Ладно, дед, поговорили и за работу надо браться, пойду завтрак приготовлю, пока ты тут досточки примеряешь.

Настасья ушла готовить завтрак, а дед, сидя на крылечке, задумался о своей жизни. Плохо ему одному, вот уж год, как похоронил он свою старуху, а сын Ванька уж лет пять, как сгинул, ни слуху о нём ни духу. В розыск подавал – без толку. Где он сейчас? Жив ли? Где-то семья у него в городе, сначала, как женился, да внучок родился – приезжали, правда, редко, а потом всё. Как отрезало. Никого уж сколько лет. Правда, все это время приходили переводы. Хорошие деньги присылали, а кто – неизвестно. А для чего ему деньги? На питание? Так он пенсию от государства получает, ему хватает этих денег. Складывает в шкаф все эти присланные деньги, там уж много накопилось, а ему они без надобности, разве что на похороны. Посидел дед, склонив голову, горестно вздохнул, встал и пошёл примерять досточки к покосившемуся крылечку Настасьи.

Пока дед выравнивал Настасьино крылечко, деревня проснулась, где-то коровы замычали, началась утренняя дойка, скоро погонят их в стадо. Санька, деревенский пастух, всегда рано начинает собирать стадо, чтобы коровки поели росной травки, она помягче и вкуснее. Жил Санька в покосившемся домишке на окраине деревни. Кормился у всех, кто корову выгонял в стадо, по очереди. На зиму дров покупали ему, сбросившись всем миром понемногу, кто сколько сможет.

Тут прибежала Марья, Настасьиная сватья, влетела во двор и встала, как вкопанная. Смотрит на деда удивлённо, она уже забыла, что вчера дед обещал поправить Настасье крыльцо а, может, и не слышала.

– Дед! Ты чё тут спозаранку ползаешь? – спросила Марья.

– Ааа, Марья...! Ну, как твои новеньки синяки?

– Нормально, дед, сияют! – захохотала Марья.

– Енто хорошо, чё ты с утра така весёла, я думал, будешь с похмелья больна и злюща! Ты не помнишь, чё я вчера обещался Настьке крылечко выправить? Вот... пришёл..., правлю.

Настасья, услышав разговор во дворе, вышла на крыльцо посмотреть, кто пришёл.

– А..., Марья! ЗдорОво! Что спозаранку прибежала, что-то хотела?

– Да, я пришла сказать, чтобы ты Рыжуху сегодня в стадо не выгоняла, я приведу своего бычка Борьку, пусть они денёк вдвоём у тебя тут побудут. Может, стоворятся.

А дед послушал Марью да говорит:

– Ты, Марья, лучше Настьке приведи какого-нить бычка, а то девка бессонницей мается, када в её года должна спать крепко и под боком у мужика.

– Да ладно тебе, дед, я вот тоже одна, но бессонницей не маюсь! Лучше уж быть одной, чем с каким-нибудь упырём. Под чужого мужика подлаживаться? Да ни за что!!!

– Да ты, Марья, и без упыря умудряешься синяками обзавестися! Дааа... – дед посмотрел на Марью, – синяки у тя отменны!

– Ладно, дед, дались тебе мои синяки, – сказала Марья и отвернулась от деда.

Тут Настасья решила прекратить эту перепалку.

– Пойдемте завтракать, а то остынет всё. Дед, бросай работу, Марья – заходи.

Все строем потянулись в дом. Дед подошел к умывальнику, степенно и основательно долго мыл руки и вздыхал. Настасья услышала его тяжкие вздохи и говорит:

– Дед Василий, как ты думаешь, а сейчас еще рано выпить стопочку для настроения или уже можно?

– Для настроения, Настасья, никогда не рано. Мне уже можно! А вам – нет!

– Ну ты, дед, сказанул!!! – возмутилась Марья, она маялась с похмелья, но виду не подавала, а тут выпал случай подлечиться, так дед сейчас всё испортит, – нам тоже можно по чуть-чуть. Работать будет веселее, да, Настасья?

– А, чё, девки, – посмотрел на них дед Василий, – вы чёли решили опять устроить праздник, но таперича уже с самого утра?

– Нет, дед, – сказала Марья серьёзно, – с утра только немножко подлечиться, чтобы легче работалось. Сейчас позавтракаем, приведу бычка, и бежать надо на утреннюю дойку.

Они уселись за стол и весело, с рюмочкой и огурчиком, принялись завтракать. Дед ел не торопясь, обстоятельно, приняв рюмочку водочки, он с удовольствием крякнул, похрустел огурчиком и спросил:

– А чё Настька, Алёнка-то не обещалась приехать?

– Да некогда им разъезжать, деньги надо зарабатывать на дом. А вообще, собирались как-нибудь, на недельку, приехать. Тут крыша прохудилась в двух местах, Сашка подлатать обещал.

– Даааа, Сашок может, он молодец, весь в отца – рукастый.

Марья сидит, слушает, как дед нахваливает её сына, и светится вся, как именинница. А дед повернулся к ней и говорит:

– Марья, как дела-то, у Сашка, у городу? Када они собираются возвратиться домой? Ты ведь тожа, как и Настька, кругом одна и одна.

– Дела у Сашки, слава богу, работает в мастерской, машины ремонтирует. Заказов много, машин-то развелось вишь сколько, зато и бьются постоянно, а ему работа, деньги. Плохо, конечно, так говорить, но ведь ездят, как бешеные, даже здесь, в деревне, не сразу дорогу перейдешь. Так что, дед Василий, я не знаю, когда они домой вернутся. Наверное, когда на дом наберут, тогда и приедут. Молодежь сейчас не хочет жить с родителями, все хотят самостоятельными быть.

Они замолчали, особенно разговаривать было некогда, надо было быстро завтракать и бежать на работу, поэтому, дед Василий, не стал их отвлекать своими разговорами, а то убегут голодными. Он доел, оставил пустую тарелку и встал из-за стола.

– Усё, девки, – сказал дед, – хватит рассиживаться, вам на работу надоть. А я останусь крыльцо править. Иделаю и пойду домой.

Дед направился к двери, у него была работа, и он не мог долго сидеть. Он всегда был отзывчивым человеком, готовым прийти на помощь в любое время дня и ночи, а уж когда похоронил свою бабу, то и вовсе рад был любой работе, лишь бы не оставаться одному дома.

Настасья стала убирать со стола, а Марья пошла за своим бычком Борькой. Уже и со стола было убрано, и посуда помыта, и с дедом обсудили, как лучше поправить крылечко, а Марья всё нет и нет. Настасья говорит:

– Пойду я, дед, добегу до Марьи, как-то мне беспокойно, она давно должна была прийти, не случилось ли чего! – встала с крылечка и пошла к Марье.

Подходя к дому Марьи, Настасья услышала громкую ругань, Марья, похоже, на своем бычке отрывалась вдохновенно и с удовольствием:

– Ах ты ж, гад, такой!!! Скотина!!! Заразза!!! Я ж тебя сейчас на мясо отведу!!! Я из тебя консервы сделаю!!! Параззит!!! – услышала Настасья и поняла, что Марья со своим любимым бычком воет. Она вошла во двор, обошла дом и увидела, как Марья, наперевес с вилами, идёт на быка своего, Борьку, а тот стоит и безмятежно смотрит на неё и жуёт пучок травы. Настасья окликнула её:

– Марья! Что случилось?

Та повернулась к ней, бросила вилы, развела руки и стала поворачиваться в разные стороны, показывая себя:

– Вот!!! Видишь!!! Пошла его отвязывать, а он шарахнулся в сторону, я и упала в навоз, теперь вся во всем этом, мыться надо идти! Когда теперь на работу попаду?

Настасья посмотрела на нее и давай хохотать громко, от души. А Марья вспомнила, как Настасья вчера бегала вся в салате не чище её и тоже давай хохотать. Насмеявшись вдоволь, Марья ушла мыться да переодеваться в чистое, а Настасья, убедившись, что со сватьей всё в порядке, отправилась на работу.

Когда Настасья пришла на работу, там все женщины уже всю бегали вокруг своих коров, перекликаясь и делясь последними новостями. Настасья переоделась, взяла ведро и отправилась к своим бурёнкам, которые числились за ней. Она, подходя к каждой, разговаривала с ней, гладила, доставала из кармана печенюшку, угощала вкусеньким, а потом принималась за дойку. Коровы её любили, и когда она к ним подходила, тянулись к ней своими мордами. Настасья уже половину коров подоила, когда пришла Марья.

– Слышь, Настасья! Я бычка отвела к тебе в коровник и закрыла их с Рыжухой, авось мой Борька уговорит её и оставит ей телёночка.

– Хорошо! Спасибо! Я скоро закончу работу и тебе помогу.

– Да ладно, сама управлюсь! Ты иди домой лучше, а то они тебе разнесут там весь коровник.

Настасья закончила работу и пошла домой. Дед Василий сидел на крылечке и пыхтел самокруткой. Настасья села рядом. Они посидели, помолчали, дед не выдержал долгого молчания и стал показывать обновленное крыльцо. Сделано было на совесть и очень аккуратно. Настасья поблагодарила его и сказала:

– Дед, ты не уходи, я сейчас приготовлю обед. Дед остался сидеть на крыльце, а она пошла в дом.

Когда обед уже был готов и стол накрыт, прилетела запыхавшаяся Марья и с порога выдала новость:

– Вы знаете, что я сейчас видела? – выдержала паузу и продолжила, – к нам приехал какой-то мужик на черной блестящей машине, и они с председателем ходят по старой заброшенной конюшне. Может, к нам коников привезут? Может, опять у нас конюшня будет?

Тут дед Василий решил охладить ее и говорит:

– Успокойся Марья! Никаких коников не собираются к нам привозить, наверно, продаёт председатель енту конюшню.

– Как продаёт? А что там будет? – оторопело спросила Марья.

– Поживем – увидим! – сказал дед Василий и встал, кряхтя с крылечка.

– Пойдёмте обедать! – сказала Настасья, вышедшая из дома на шум.

– Мы теперь, Настасья, у тебя столоваться постоянно будем с дедом Василием? Утром завтракали, теперь обедать зовёшь.

– Ты, Марья, давай иди за стол, без разговоров.

– Настасья! – сказал дед Василий, – полагайца обмыть ново крылечко, а то ить, не ровён час, сломатца.

– Конечно! Это обязательно! Раз полагается – значит, будем обмывать. Настасья выставила на стол утреннюю бутылочку беленькой, дед с удовольствием взял ее в руки, подержал, полюбовался на нее и стал открывать, при этом говоря:

– Обмывать, девки, буду я, а вам ишшо на вечерню дойку, коровки не любят ентова запаху.

Он налил себе в рюмку водочки, взял малосольный огурчик на вилочку, аккуратно, со вкусом выпил, крякнул и аппетитно захрустел огурцом. А Марья сидела и глаз с него не сво-

дила, смотрела, как дед себе наливает беленькую, как с удовольствием ее выпил и как стал закусывать. Ей тоже захотелось выпить и похрустеть огурчиком. Она протянула руку к бутылочке, но дед её опередил, убрал со стола и поставил на пол около себя, от соблазна подальше.

– Ну ты, дед, и жмот! – сказала Марья, наклонилась над своей тарелкой и стала есть.

Они пообедали, поговорили на разные темы, но всё время возвращаясь к старой конюшне, всем было интересно, что же там теперь будет и кто этот мужик, который её покупает. Собирались уже расходиться по домам, когда влетел соседский парнишка Колька, лет двенадцати, весь в веснушках и, запыхавшись, посмотрел на деда Василия:

– Дед, ты чё тут рассиживаешься, у тебя в доме полно гостей, а тебя не знают, где взять?

– Каких гостей? – дед схватился за сердце и стал оседать вдоль стенки.

– Колька!!! – закричала на парнишку Настасья, – стервец рыжий!!! Разве так можно человека пугать?

– А, чё я такого сказал? Ищут его! – стал оправдываться рыжий Колька.

А дед соскользнул по стеночке до пола, уселся и сидит – не шевелится. Подошла Настасья, подскочила к деду и Марья:

– Дед, ты как? Всё нормально? Может, капелек тебе накапать сердечных?

– Не надоть. Чичас я встану. – он стал потихоньку, придерживаясь на Настасью, подниматься с пола.

– Пойдем, я провожу тебя домой, посмотрим, что там у тебя за гости. Давай, потихоньку пойдём.

Они подняли деда на ноги, и он, еле переставляя их, стал выходить из дома, Настасья с Марьей его поддерживали с обеих сторон. Потом он немного пришёл в себя, стряхнул их:

– Усё, девки, я у порядке, дале – я сам. – пойду, гляну, чё у мене за гости таки, тама. Вродя, никого не жду, – сказал внешне спокойный дед, только голос его выдал, стал вдруг осевшим, с хрипотцой.

Настасья с Марьей не стали навязываться в провожатые. Они знали дедову историю, сколько лет он искал пропавшего сына, но так и не нашёл. Видимо, он все-таки не терял надежды, и все эти годы ждал его. А тут неожиданные гости. Кроме сына, вроде больше некому. Они стояли у калитки и смотрели ему вслед, пока он не скрылся. Они боялись, как бы у деда не прихватило сердце, а то завалится где-нибудь и будет лежать под забором. Настасья с Марьей переживали за деда. Все эти годы они были рядом с ним, помогали ему и поддерживали его, как только могли.

Глава II.

Дед Василий шёл домой, а ноги подкашивались, отказываясь идти. Он старался идти поближе к заборам, боялся, что ноги не выдержат, и он упадёт, а встать не сможет, а тут хоть за забор придержаться можно, в случае чего. Дорога до дома, ему показалась бесконечной. Всегда думал, что от Настасьи он совсем недалеко живёт, а теперь, как будто вечность прошла, а он всё ещё не дошёл до дома, да и страшно было. Каждый шаг ему давался с трудом, сердце трепыхалось в груди так, что, казалось, вот-вот выскочит оттуда, и прямо дух перехватывало. Что там его ждёт? Кто там у него? А, где-то, далеко внутри, затаилась надежда, а вдруг Ванька приехал, сын! Он потихоньку продвигался к дому, волнение и тревога усиливались. Дед остановился перевести дух, пытаясь немного успокоиться, и унять дрожь в руках и ногах. Постоял, отдохнул и, придерживаясь за забор, потихоньку пошёл дальше.

Наконец показалась его избушка. Она у него была ухоженная, покрашенная, окна с наличниками резными. Крыша, правда, немного прогнулась от старости, но не протекала в дожди. И во дворе был порядок. Как его старуха, Клавдия, завела там клумбочки, огороженные кирпичиками, побелёнными извёсткой, так они до сих пор стоят, цветочки на клумбочках цветут, кирпичики те же. Дед за цветочками и клумбочками ухаживает, и разговаривает с

ними, как будто, со своей Клавдией говорит, иногда даже спорить начинает. Опять же банька в огороде, тоже крепкая ещё. Он подошёл к калитке, опёрся о забор и стоял, рассматривая, что там у него в доме делается. Тут открылась дверь, выскочил на крыльцо парнишка лет восьми, а за ним вышел совсем седой мужчина. Дед стоит, смотрит и не может понять, лицо мужчины вроде знакомое, но узнать не может, кто это. Тут мужчина подошёл к нему и говорит:

– Отец, здравствуй!!! Ты меня не узнаешь? Это же я – Ванька!

– Ванька... – произнёс дед осевшим голосом, он стоял, смотрел на мужчину, прищурившись, а сердце выскакивало из груди, – похож... вроде... голосом..., совсем седой..., вроде Ванька. Ну, иде ты был, стервец? – голос у деда дрогнул, – скоко годов отец тебе не нужен был, а чичас чё приехал? – совладал с голосом и заругался на него дед, а сам смотрит и не может глаз отвести от своего сына, совсем седого и незнакомого, только голос не изменился.

– Отец! Прости! Я был в командировке, в ближнем зарубежье..., попал в переделку, долго не мог выбраться оттуда. Только приехал и сразу к тебе. Мой напарник по бизнесу, должен был тебе деньги переводить каждый месяц, я, уезжая, просил его об этом.

– Чё мне твои деньги!!! – закричал дед в сердцах, – вона оне, усе лежать! Куды мне их тратить? Я тебя потерял!!! У розыск подавал! Сколь тебя искали – не нашли! А мне, как прикажешь, апосля всего ентово жить? Шшшенек! Деньгу он мне присылал! Вишь! Привыкли усё на деньгу мерять!!! А, чё я один кругом осталси, бабка померла, сына потерял, как я должен жить? И зачем мне така жисть?

– Прости, отец! – сказал сын Ванька, опустив свою седую голову.

Дед открыл калитку, вошел во двор на ослабших ногах и протянул к сыну руки:

– Дай, сын, обыму хучь тебя! Столь годов не виделись, поседел совсем..., видно жисть тебя побила не слабо! Ну, да ничё..., таперича ты дома, а дома и стены помогают. Жив и, слава богу, давай, пойдем в избу. Ты с семьей? Ентот парнишка, стало быть, унук Никитка? Вырос! Надолго приехал-то? – деду хотелось знать всё и сразу, но мысли путались, не знал, что спрашивать, ему, главное, было слышать голос своего сына.

– Да, надолго! Думаю, навсегда! Вот с председателем уже поговорил, хочу старую конюшню купить. Построю конезавод, закуплю племенных жеребцов, буду разводить лошадей, а ты будешь за ними присматривать. Ты, не против, отец?

– Коники – енто хорошо! А то государству нонче не до их! Не разводить, так и наовсе переведутся. Я коников люблю. Тама, у двора, черна машина твоя? – не отвечая на вопрос сына, спросил дед.

– Моя!

– Понятно! Стал быть, про тебя Марья сказывала, чё какой-то мужик с председателем по старой конюшне ходют. Я, как раз, у Настьки крыльцо правил. Так, надоть баньку стопить, стол накрыть, суседев позвать, все ж таки, сколь годов тебя не було. Ты с жинкой приехал-то?

– Нет, отец! Мы с сыном вдвоём приехали. Нет у меня жены. Развелась она со мной, пока меня не было, и замуж вышла. Я вот сына у неё забрал, и к тебе. Построим новый дом и заживём все вместе. И работать будем вместе, коней разводить. Как тебе такое предложение?

– Поживём – увидим! – сказал дед и пошел в дом.

Зашел, осмотрелся. Кругом чемоданы, пакеты, сумки и парнишка сидит на диване, глаза большие, и в каждом глазу по вопросу.

– Сынок, – подошел к нему Иван, – ты, наверное, не помнишь своего деда, потому что, когда мы приезжали к нему, ты был совсем маленьким. Это твой дед Василий, а мне он отец. Теперь мы будем жить у деда и строить новый большой дом. Отец – это Никитка, вон какой уже вырос – мужик!

– Да! Вырос! Молодцом! – дед подошел к внуку, обнял его, погладил по голове и сказал, – не тушуйся, Никитка, – ты дома!

– Отец! Может, какую соседку позвать, чтобы помогла приготовить да стол накрыть? А то мы с Никиткой ещё не наловчились разносолы готовить.

– Щас, я схожу за Настькой и за Марьей. Оне девки шустры, домовиты, быстро усё исследуют. А, ты, иди баньку затопи. Не забыл, как топить баню-то? У вас у городу усё больше ванны да души.

– Нет, отец, не забыл! Сейчас переоденусь и пойду затоплю.

– Никитка! – позвал он сына, – пойдём переодеваться и баню топить, это, я тебе скажу, настоящее искусство, топить баню!

Они переоделись, и Иван пошел показывать сыну баню, и учить его, как правильно её топить. А дед пошёл за помощью, самим приготовить еду на десяток-другой гостей, вот так вдруг, не получится, а в деревне гостей не зовут, они все приходят сами, потому что в деревне все друг друга знают, если надо – помогут, в горе и в радости поддержат. А, про деда, вся деревня знала, и все за него переживали, когда он искал и ждал сына, а теперь – такая радость у деда, и, конечно, народу много придёт в гости, порадоваться вместе с дедом и посмотреть на Ивана, и дедова внука.

Пока дед шёл до Настасьи, все соседи уже знали, что у деда приехал сын, выглядывали из-за заборов, радовались дедовой радости и поздравляли его от души, с таким большим праздником. Дед дошёл до Настасьи и, не заходя в дом, прямо от калитки закричал:

– Настька!!! Настасья!!! Слышь, девка? Давай, собирайся, помощь твоя нужна.

Настя вышла на крыльцо, вытирая руки фартуком.

– Дед! Ну чего ты кричишь на всю улицу? Говори, что хотел?

– Настька! Да я хучь на усю улицу, хучь на две готов кричать. Радось-то кака, у мене!!! Сын с унуком приехали!!! Нашёлси! – и тут дед, опустив голову, заплакал.

– Дед, ну ты чего это? Радоваться надо, а ты – плакать! – подошла к нему Настасья и обняла его за плечи. Он припал к её плечу и молча плакал, но телом весь вздрагивал и всхлипывал.

– Да, я радуюсь! – плакал дед, – терпел, терпел, да чёй-то расклеилси. Нервы ни к чёрту. Ты, Настька, не говори никому, чё я тута слабину дал, а то мужики засмеют, – он еще чуть-чуть повсхлипывал у нее на плече и стал успокаиваться.

– Не переживай, дед Василий! Всё хорошо! Теперь всё будет хорошо! Сын с тобой и, слава богу.

– Настасья! Я, чё пришёл-то! Помощь твоя и Марькина нужна. Надоть стол собрать, полдеревни скоро сберётся, а мы, мужики, чё могём? Не умем мы стряпать, как вы, бабы. Добеги до Марьки, да приходи, помогать.

– Ладно, дед! Сейчас примчимся, я только переоденусь и бегом к Марье. Ты иди пока домой, мы с Марьей тебя догоним. Давай, иди потихоньку. Ни о чём не переживай, мы всё успеем сделать. Настасья побежала переодеваться.

Прибежали они с Марьей быстро, дед успел только до своей калитки дойти, а они его уже догоняли. В дом они зашли вместе. Настасья с Марьей увидели Ивана, Марья кинулась обнимать его, а Настасья остановилась, как вкопанная, и не могла сдвинуться с места, а сердце забилося так, как будто, вот-вот готово выскочить. А Иван только посмотрел на Настасью, и уже не мог отвести от нее глаз.

– Ну, Иван, – говорила Марья в восхищении, – какой ты стал! Совсем городской, представительный мужчина! Тебя прям, не узнать! – она посмотрела на Ивана и поняла, что ему сейчас не до неё и переключилась на Никитку:

– Это у нас тут кто? Неужели Никитка? – она подошла к мальчонке, и давай его тискать, он засмутился и опустил голову.

Настасья вдруг поняла, что она неприлично долго смотрит на Ивана, опустив глаза, сказала:

– Иван! Ты так изменился, повзрослел, поседел, – но обнять его на радостях, все-таки, не решилась. Подошла к Никитке, обняла, погладила по голове, прижала к себе и сказала ему:

– Никитка! Ты такой большой вырос, а когда я тебя видела последний раз, ты был совсем малюсеньким. – потом повернулась к Марье и сказала:

– Марья! Пошли на кухню, надо приниматься за дело, а то скоро соседи начнут собираться, а у нас ничего ещё не приготовлено, – и они отправились на кухню. К ним зашёл Иван с сумками.

– Вот..., тут какие-то продукты я привёз..., разберите сумки, там много чего уже приготовлено, мы с Никиткой по дороге заехали в ресторан и купили готовые салаты, мясо, фрукты и, что-то там ещё.

Настасья взяла у него сумки и стала вытаскивать на стол коробки, коробочки и контейнеры с салатами. Там было столько много продуктов, что им почти ничего не пришлось готовить, только молодую картошечку отварили, да малосольные огурчики достали, разложили на тарелки. Быстро накрыли стол скатертью и стали носить салатницы и тарелки с вкусностями, которые привёз Иван.

Пока Настасья с Марьей занимались закусками, натопилась баня, Иван с Никиткой пошли мыться, Никитка выскочил быстро оттуда, без привычки ему было жарко. Иван тоже надолго не задержался. Потом пошёл дед Василий ополоснуться. Вышел он из баньки раскрасневшийся, улыбающийся, довольный. Зашел в дом и говорит:

– Вот, девки, мужику без баньки, ну никак незя, а особенно с веничком березовым, баня мужику силу даёт и здоровье, а енти их ванны, да души, енто так, баловство.

Пока мужики мылись в бане, женщины накрыли на стол.

Потихоньку стали подтягиваться соседи, по одному, по двое, и скоро дом заполнился народом. Сесть всем было негде, поэтому, часть соседей, стояли вдоль стен, но все радовались, громко переговариваясь друг с другом, задавали вопросы Ивану, и каждый ждал ответ. Всех интересовало, где он был столько лет, почему не приезжал к отцу и даже не писал.

Иван взял рюмку, встал и, чтобы прекратить все вопросы, связанные с его долгим отсутствием, попросил тишины.

– Дорогие соседи! Спасибо, что вы все пришли, что вместе с моим отцом переживали. На все вопросы я вам ответить не смогу, поэтому, скажу кратко. У нас с напарником был свой бизнес, и мне пришлось поехать в командировку, там, я попал в передрагу, долго не мог выбраться. Где я был, и что было там со мной, я не хочу вспоминать. Просто скажу, что там было страшно. Как только я оттуда выбрался, сразу приехал сюда. Свою часть бизнеса, я продал напарнику. Теперь мы с сыном будем жить здесь. Построим дом, и построим конезавод на месте старой конюшни. Мне нужны будут помощники на конезаводе, знающие лошадей и умеющие с ними обращаться. Вот, собственно, все, что я хотел сказать. Давайте выпьем за встречу и за наше дальнейшее сотрудничество! Будем вместе поднимать деревню из разлухи.

Все сразу зашумели, стали чокаться друг с другом, кивать головами и обсуждать новость, сказанную Иваном о конезаводе, стали строить догадки по поводу его командировки, заговорили о планах на будущее, и начали прикидывать, кто сможет работать на конезаводе. Потом началось веселье, дошло дело до песен и плясок.

Дед сидел за столом рядом с сыном и внуком, и выглядел именинником. Настасья и Марья сновали из комнаты в кухню и обратно, добавляя на стол закуски. Веселье продолжалось до ночи. Потом, кто-то, вдруг вспомнил, что уже пора и честь знать, хозяевам нужно отдыхать, а то они с дороги устали. И все начали потихоньку расходиться. Настасья с Марьей оставались до последнего гостя, чтобы потом убрать всё и перемыть посуду. Закончили убираться далеко за полночь. Пожелали всем спокойной ночи и пошли по домам. Иван проводил их до калитки и поблагодарил за помощь.

Ночь была теплая, сияли яркие звезды, луна, как блин, висела в небе, и такая тишина стояла: ни ветерка, ни шороха травы, ни звука. Шли они уставшие, потихоньку переговариваясь, как будто, боялись нарушить тишину. Марья вдруг повернулась к Настасье и громким шёпотом сказала:

– Слушай, Настасья, это же такой завидный жених у нас появился!!! Ты, давай-ка, девка, не хлопай зря глазами, я видела, как он на тебя смотрел!

– Ты, Марья, перепила что ли? Чего ты несешь? Какие мне уже женихи? – сказала Настасья и отвернулась, чтобы Марья, чего доброго, не заметила на её лице довольную улыбку, от сказанных Марьей слов, что Иван не сводил с неё глаз. Но, все-таки, через некоторое время, спросила у Марьи:

– Марья! А почему ты решила, что Иван с меня не сводил глаз? Может, он больше не на меня, а на тебя заглядывался. Мы, между прочим, с тобой одноклассники, ты забыла, что ты тоже одна? Может, тебе самой к нему приглядеться, а не сватать его мне?

– Да нет, – вдруг как-то устало, сказала Марья, – мне после того, как медведь заломал моего мужа на охоте, никто не нужен, не нашелся еще такой мужик, из-за которого я могла бы забыть своего Родика. Сашка, сын, весь в отца пошёл. А тебе, Настасья, сам бог велел, тебе с мужиком не повезло, но зато повезло с дочерью – хорошая девка у тебя выросла и красавица. Так что, не разевай рот, а то уведут, у нас охотниц много развелось, которые работать не хотят, а хвостом вертеть, так со всем нашим удовольствием. Вертихвостки!!!

Так они за разговорами и не заметили, как дошли до Марьиной калитки. Распрощавшись, Настасья прибавила шагу и пошла быстрее домой, утром рано вставать, успеть бы хоть немного поспать, если получится. Столько впечатлений, да и образ Ивана будоражил, и как-то, томно было на душе. Она зашла в дом, включила на кухне свет, села у стола и задумалась. Ей было странно, что после её неудачного замужества прошло столько лет, и с ней такого не происходило, а тут увидела и сразу поняла, что пропала. Марья правду сказала, что он не сводил с неё глаз, и её это смущало, поэтому, когда она замечала его взгляд на себе – сразу отворачивалась. Она посидела ещё немножко, встала, выключила свет на кухне и пошла спать.

Дед Василий крутился в своей кровати, вздыхал и никак не мог заснуть. Сегодня у него был очень тяжелый день, хоть и радостный. Переволновался, а теперь никак не может уснуть. Сын с внуком давно спят. Уже светает, а дед все без сна. Ладно, решил дед, раз не спится, надо вставать, нечего бока отлёживать, так подумал дед и, как провалился. Очнулся дед, когда сын уже на кухне готовил завтрак, и сам себе удивился, как это он смог так надолго уснуть. Он встал, пошёл умываться. Летом умывальник дед всегда вывешивал во дворе, на забор. Вышел, посмотрел вокруг, порадовался наступавшему хорошему солнечному дню, умылся и пошёл на кухню к сыну. Внук тоже не спал и сидел за столом в ожидании завтрака. Дед зашёл и спросил у сына:

– Иван, а ты заходил у курятник? Можя, тама свежи ички есь? Оне кажин день несут, с пяток штук.

– Да, отец, я взял оттуда яйца. Шесть штук вот приготовил, а два положил в холодильник.

Они завтракали и планировали дела на день. Иван сказал, что ему надо встретиться с председателем, подготовить бумаги для покупки конюшни. Никитка попросился с отцом покататься на машине, а дед Василий остался дома на хозяйстве. Теперь у него была забота. Надо было приготовить обед, а то мужики набегаются, накрутятся, приедут голодные, чтобы было чем накормить. Но сначала, он решил добежать до Настасьи узнать, как они после вчерашнего праздника. Девки умотались с гостями, так к ночи еле ноги переставляли.

Иван с Никиткой уехали к председателю, а дед пошел навестить Настасью. Вышел со двора, идёт потихоньку и раздумывает о своём житье-бытье.

– Вона, как усё повернулося, – думает дед, – сколь годов один на один со своимя горькимя мыслями, и на табе, така вдруг радость! Итить твою в корень!!! По всему выходить, чё Бог его не забыл, решил, чё хватить ему горевать и прислал к ему сына и унука, чёбы, значитца, не було ему одиноко у старости. По всему видать, заслужил ён, своимя добрымя делами енту радость, – из задумчивости его вывел крик мальчонки. Дед встрепенулся, огляделся вокруг, и видит, – Клавка, вечно крикливая баба, колошматит парнишку крапивой.

– Етить твою в корень! Клавка!!! Ты пошто, парнишку, крапивой обхаживашь?

– А чтоб неповадно было в чужие огороды заглядывать! – закричала Клавка.

– Угомонись, говорю!!! До чего ж ты вреднюча, баба! Пряма, гадюка!

– Отстань, дед! Он у меня яблоки через забор ворует!

– Ага! А ничё, када твой Генка, на том крае деревни, у Никитичны, огуречну грядку прополот надЫсь! Она хотела с огурцами утром на базар отправиться, а Генка с друзьями, пОлны подолоЫ набрали, и сигали через забор!

– А ты, дед, не наговаривай, на Генку. Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал, что Генка с друзьями был на том огороде? Не мог мой Генка залезть к Никитичне в огород!

– Ага! Не мог! Вона, глянь..., к табе идёт Никитична. Щас вона табе сама усё обскажет. Так чё, не хлещи мальчонку, побереги крапиву для своо собственного сына, да сорви пучок поболе, понятне будя.

Дед повернулся и пошёл дальше. Дошёл до Настасьи, а они с Марьей уже во дворе. Настасья нарядная и с большими сумками.

– Ты, Настасья, далёко ль собралась, с сумками то? На базар, што ль?

– Нет, дед, вот хочу к детям, в город съездить, проведать, как они там. С Марьей договорила, чтобы она за меня сегодня отработала. Что-то по детям соскучилась, вот гостинцев собрала – отвезу.

– Ну к детям, енто дело, – сказал дед, – ехай, проведай. А то, имя самим усё некогда приехать к родителям. Матери тута, без их скучают, а у их усё дела. Давай сумку, помогу донести до автобуса.

Дед взял сумку и пошёл вперед. Настасья и Марья с сумками за ним. Когда они подошли к правлению, где останавливался автобус, он уже стоял и был наполовину заполнен односельчанами. Ездили на нём, в основном, на базар. Везли, кто картошку на продажу, кто огурцы, кто яйца. В деревне-то не продашь, у всех всё своё, а в городе, хоть что, можно продать. Народ домашние продукты и овощи берёт лучше, чем всякие магазинные, вот и стараются деревенские летом подзаработать немножко денег.

Настасья взяла сумки, загрузилась в автобус, а дед Василий с Марьей, пошли обратно. Марье надо было на работу, а деду – готовить обед.

Иван приехал к председателю колхоза, как и договаривались, к началу рабочего дня. Тот, по телефону уже кого-то разносил, кричал и хватался за сердце. Потом положил трубку, и в сердцах, с силой стукнул кулаком по столу. Иван уже стоял в кабинете, спросил:

– Что, Петрович, не слушаются?

– Да сладу с ними нет!!! Как только уборочная, или заготовка кормов, у них обязательно, вся техника выходит из строя. Ну нет у меня денег, ни на новую технику, ни на новые детали!!! – он сел за стол и с силой потёр лицо, потом опустил руки на стол, и посмотрел вопросительно на Ивана. Иван подсел к столу и стал вытаскивать бумаги с расчетами из папки.

Петрович – председатель колхоза живет рядом с правлением. Мужчина в годах, но энергичный и деловой, старается как-то, в силу скромных возможностей, при сложившихся обстоятельствах, держать колхоз на плаву. У него сын, Сергей, после армии поступил в школу милиции, окончил, получив диплом, вернулся в деревню и привёз с собой невесту. Сыграли свадьбу, и теперь, Сергей, работает участковым в деревне, и они ждут второго ребенка. Петрович всю

жизнь председательствует, и очень переживает за свою деревню. Его жена Ксения Петровна работала в школе, вышла на пенсию, и уволилась по возрасту, теперь занимается домом.

– Давай, Петрович, посмотрим, мои расчеты, да будем оформлять, время – деньги.

– Ну, давай, показывай, что там у тебя, – сказал председатель и стал разглядывать и изучать расчеты Ивана, о стоимости старой конюшни, об аренде земли, под новую конюшню.

– А где ты, Иван, столько денег возьмёшь? – спросил Петрович.

– Так, Петрович, у меня же в городе был хороший прибыльный бизнес, я его оставил своему напарнику, а мою долю он мне выплатил, чтобы я мог подняться на новом месте, у меня же, сын, подрастает и отец в преклонном возрасте. Отец, конечно, бодрится, но сильно сдал за последние годы. Это из-за меня, его подкосило так. Теперь я для них обоих опора и должен работать за троих, так что, Петрович, давай решать, не затягивай, я тебя очень прошу. Да и для людей, рабочие места нужны.

Они посмотрели, посчитали и поехали на конюшню, чтобы посмотреть на месте еще раз, что и как будет. Председателю тоже не хотелось затягивать со строительством новой конюшни, все-таки, рабочие места для такой деревеньки, как у них, это очень важно. Народ уже ждёт, когда начнётся строительство. Они приехали, обошли всю территорию конюшни, Иван сказал, что она мала, надо бы её расширить, нужен будет манеж для тренировок и левада. Председатель согласился, сказал, что завтра поедет в район и согласует с начальством. Сели в машину, Иван отвёз председателя в правление, и поехали с Никиткой домой, где их ждал дед Василий с обедом. Пообедав, Иван оставил Никитку с дедом, а сам поехал в город по делам.

Вечером, возвращаясь из города, Иван увидел на остановке Настасью, остановился и окликнул ее:

– Настя! – назвал её по-городскому, но она даже не поняла, что это её зовут, – Настасья! – снова позвал Иван, тут она повернула голову и увидела Ивана. Встала, подошла к машине.

– Настя, ты домой? – спросил Иван, глядя на нее с улыбкой.

– Да! – сказала Настасья, смутившись, опустила глаза и, почему-то, покраснела.

– Садись, поехали! Я тут по делам был, еду, смотрю, сидишь. На базар приезжала?

– Да нет! К детям приезжала. Аленка за Сашку Марьиного замуж вышла, вот уехали в город, на заработки, хотят свой дом строить. Не знаю, когда они наберут денег на свой дом, половину отдадут за съёмную комнату.

– Алёнка у тебя совсем взрослая, уже замужем, глядишь, скоро и бабушками сделают вас с Марьей. А я, поздно женился, всё некогда было, бизнес налаживал, так что, дедом не скоро стану. А чем они занимаются, в городе?

– Алёнка на парикмахера выучилась, а Сашка в мастерской по ремонту машин работает. Доходов больших пока нет.

– Настя! А, что, если их вызвать домой, сейчас у нас начнётся стройка, Сашка, говорят, парень рукастый, и голова у него соображает, будет у меня бригадиром работать, Алёнке можно и в деревне открыть парикмахерскую, пусть у нас женщины ходят тоже красивые. Жить будут дома и быстрее соберут на свой дом. Поговори с Марьей, может, уговорите их вернуться!

– Ну, не знаю. Надо не только с Марьей поговорить, но и с детьми тоже. Всё-таки, у Сашки, там, хорошая работа. Правда, зарабатывает не так много. Он же привык делать всё основательно, поэтому, быстро не получается.

– Ты, Настя, только с этим не затягивай. Переговори с Марьей, да давайте, перетаскивайте детей домой. Мне скоро люди понадобятся. Вот, завтра, председатель поедет в район, согласовывать с начальством продажу конюшни, как только будет результат, начну завозить материал для строительства.

Так, за разговорами, они не заметили, как доехали до своей деревни. Иван довёз Настасью прямо до её дома. Остановился, повернулся к ней, внимательно посмотрел на неё, улыбнулся, взял за руку, она засмушалась, выдернула руку, открыла дверь, выскочила из машины и, не

оглядываясь, быстрым шагом направилась к калитке. Зашла во двор, подошла к дому, открыла замок, и, уже входя в дом, услышала, как Иван завёл машину и поехал.

Не успела Настасья управиться по хозяйству, прибежала Марья. Забегала, затрещала вокруг Настасьи.

– Видела-видела, как тебя привез Иван на своей красивой машине прямо до калитки, как барыню! Ты где его подцепила?

– Да, это он меня увидел в городе на остановке, я автобус ждала, вот и предложил подвезти домой. Мне Марья с тобой поговорить надо. Сядь, не мельтеши перед глазами!

– Ой, Настька, неужели предложение сделал? – округлив глаза, спросила Марья.

– Марья!!! Ты дура? Прекрати уже молоть всякую ерунду! – возмущённо одёрнула её Настасья.

– Чё это я дура? – обиделась Марья.

– Да, потому, что у тебя одно на уме! Сватья хрЕнова! Сядь и слушай!

Глава II.

Настасья стала рассказывать, о сделанном предложении Иваном, по поводу их детей и своего строительства. Марья слушала, раскрыв рот от удивления, и от радости за такие перспективы. Ей тоже очень хотелось, чтобы дети жили дома. Марья очень скучала по сыну, в город ведь не наездишься, да и дома, мужская рука нужна, то одно сделать, то другое. Им обоим очень хотелось, чтобы дети вернулись домой, они очень скучали без них, а сейчас, появилась такая возможность, а вдруг дети согласятся вернуться, и они опять все вместе заживут.

Иван приехал домой, когда Никитка, поужинав, уже крепко спал. Дед ему показывал деревню, потом они прогулялись до колхозной фермы, показал ему коров, когда пришли домой, он провёл его по своему огороду, показал, где и что у него растёт, потом они вместе готовили ужин. Намайлся, нагулялся парнишка и заснул, не дождавшись отца.

Дед Василий и Иван сели ужинать вдвоем. Выпили по стопочке беленькой, похрустели малосольным огурчиком и принялись за молодую картошечку с селедочкой, оставшейся от праздничного стола. Дед ел не торопясь, обстоятельно, со вкусом, а Иван ел быстро, за последние годы, занимаясь бизнесом, он привык так есть, потому что, у него, постоянно не хватало времени на еду. Когда они поужинали, дед убрал со стола и подсел к сыну, у него много было вопросов, но он не решался их задавать, боясь потревожить страшные воспоминания сына. Иван, как будто, почувствовал, что у отца есть к нему вопросы и сказал:

– Отец! Давай, все вопросы потом. Я, пока не готов, ни о чём рассказывать, слишком тяжело вспоминать. А, по поводу конюшни, я договорился с председателем, завтра он поедет в район к своему начальству, согласует, и начнем работать.

– Ты, Вань, только народ не обижай, люди у нас хорОши, доверчивы. Не бери грех на душу.

– Ну, что ты, отец! Я – бизнесмен, но не гад бездушный. Тем более, я здесь вырос, они же мне все, как родные.

– Это ты, Ваня, правильно сказал, чё мы здесь усе, как родны. Усе энти люди, мене подерживали, покудова я табе искал и ждал. Каждый, помогал чем мог. Вона, картоху садить усе соседи прийшли, лук тожить, и другу мелочь Настька с Марьей садили, пололи опять жа. В доме мыли, убиралися, постирать приходили. Когда болел зимой, Настька, от мене, не отходила, покудова на ноги не поставила. Марья, у магазин бегала, за продуктами. Так чё, сын, люди у нас хороши, дружны. Даже Клавка, злыдня и гадюка, и та приходила, травки усяки приносила, заваривала их.

– Я всё понял, отец! Спасибо им всем! Я их не обижу и, если им понадобится моя помощь, обязательно помогу, я тебе обещаю, – потом, помолчав, сказал – пойдем отец спать, завтра

вставать рано, дел много. Спокойной ночи, отец! – Иван встал и пошёл в комнату, где спал Никитка.

Дед Василий тоже отправился спать. Но не спалось ему, переживал за сына, как у него всё получится.

– Конезавод – это тебе не кот чихнул, – думал дед, – это ж сколь деньжищ надобно на постройку этого завода, а коников купить? Етить твою в корень! – дед, кряхтя, перевернулся на другой бок, но сон всё не шел. Гордость за сына переполняла его, но на душе было тревожно, ему очень хотелось сыну помочь, но не знал, как и чем.

Шло время. Иван мотался, оформляя документы, договаривался о покупке материала, посылал запросы на покупку породистых лошадей. Иногда, на его пути, вдруг оказывалась Настасья, он ей улыбался, здоровался, брал за руку, она всегда смущалась, опустив голову, и краснела. Ему нравилось, как она смущалась, и он, еще шире ей улыбался, и ему очень хотелось обхватить её и прижать к себе, но не решался, боялся, что она, не поймёт и оттолкнёт его от себя.

Июль подходил к середине, и надо было срочно начинать строительство. Иван позвал отца, съездить с ним на старую конюшню, посмотреть на месте всё, обсудить, как всё будет, может, отец что посоветует, как лучше сделать. Это дело для него тоже было незнакомое, и поэтому, нужен был совет. После завтрака они втроем загрузились в машину и поехали. Ехать было недалеко. Только вышли из машины, увидели Настасью с Марьей, они шли на работу. Женщины подошли к ним, поздоровались, Марья сразу с вопросом:

– Ну что, бизнесмены! Осматриваете свои владения?

– Не торопи события, Марья! – сказал Иван, – на днях получу документы, тогда и будем говорить о владениях, а сейчас приехали осмотреться на месте, как и что.

– Так вы с председателем уже приезжали, осматривались тут! – сказала Марья.

– Лишний раз не помешает! – ответил Иван и, повернувшись, направился к Настасье.

Подошел, поздоровался, взял её за руку, она смущённо глянула на него и убрала руку, он стоит, улыбается, а в глазах чертенята прыгают, она ещё больше засмущалась, и опустила голову, чтобы он не видел, как она покраснела. Стоит и не может от смущения головы поднять, а сердце так и выскакивает из груди, и..., ощущение праздника.

А Марья, посмотрев в их сторону, подошла к деду и шепнула ему на ушко:

– Дед Василий! Мне это кажется, или на самом деле, что-то у них там намечается?

– Ты, девка, не болтай, заздря! Чё ж, людям, и поговорить незя?

– Поговорить то можно..., только ты посмотри на них дед..., или ты по своей старости уже вообще ничего не видишь?

– Марья! Уймись, девка! Ну пуцай люди поговорять! А ты..., давай..., дуй на работу, а то тебя твои коровки заждались, все глазоньки проглядели.

Марья, проходя мимо Настасьи и Ивана, посмотрела на них, улыбнулась и сказала Настасье:

– Догоняй, подруга, нас работа ждет! – и пошла скорым шагом в сторону фермы, которая находилась в живописном месте, около березовой рощи, куда доярки иногда ходили посидеть в тенёчке, поболтать, отдохнуть от жары и работы. Вскоре Настасья её догнала, и они пошли рядом, Марье не терпелось узнать, о чём они говорили, что он сказал, что она ответила, и до чего они договорились. Любопытство было её второй натурой, а со своей подругой и одновременно сватьей она вообще, не церемонилась.

– Ну что, Настасья, давай рассказывай! – в ожидании сенсации Марья чуть не подпрыгивала от нетерпения, – ну, рассказывай, ну, что ты молчишь, ну, Настасья! Я, щас умру, от любопытства!

– Ты, Марья, правда, когда-нибудь умрешь от любопытства. Сердце у тебя не выдержит такого напряжения! Нечего мне тебе рассказать!

– Как это нечего? – спросила разочарованно Марья, – столько стояли и ни о чём не говорили? Не верю! Ты от меня скрываешь, да? А ещё подруга..., да к тому же сватья! Давай рассказывай, а то у меня щипсас с сердцем плохо станет, ну, Настасья! Ты, чё такая бессердечная, ты мне зла желаешь? Да?

Настасья рассмеялась Марьиным попыткам вывести всё и успокоила ее говоря:

– Вечером пригласил меня погулять! Всё! Больше мне нечего тебе сказать.

– Ну так это ж другое дело!!! Наконец-то решился, а то, лето уж проходит, а он все только глазки строит, да улыбается, – радостно воскликнула Марья и обняла подругу, – я рада за вас, правда, от души.

– Ты знаешь, Марья, что со мной происходит, как его увидела, сразу на душе, какое-то ощущение праздника! Как ты думаешь, что это?

– Я думаю – это любовь!!! – категорично заявила Марья, – и ты, даже не спорь со мной, ты, когда рядом с ним стояла, видела бы себя в зеркале, как девочка зарделась, а ведь много ли мало ли, но замужем уже была. Так что, подруга, не сомневайся! Ты влюбилась!

Так, за разговорами, они дошли до фермы и разошлись по своим рабочим местам.

Настасья ушла, а Иван, так и стоял на месте и смотрел ей вслед. Подошел дед Василий, посмотрел на сына, кивнул головой:

– Да..., Настыка хорОша девка..., уважительна, домовита. Ейная Алёнка тожесть хорОша девка.

– Отец, как ты говоришь? Поживём – увидим? Вот, поживём – увидим! Пошли работать, – Иван повернулся и пошёл к конюшне. Дед засеменил следом, качая головой, ворча себе под нос:

– Поживём – увидим..., досмотрися..., уведут девку, правда, кому тута уводить? Как Марья сказала – упыри одне, усе нормальны мужики у городу давно, на заработках, а здесь остались или больны, или пьянь, есь, правды, многодетны мужики, но оне не в счет. А Лёха Загороднев, так ей и с приплатой не нужен, сама сказала. А ён, бездельник, у городу болталси сколь годов, таперича здесь связалси с пьянью, скоро сам, таким жа будя. Хучь ба родителей пожалел, вот истинно упырь, – так с ворчанием, дед семенил следом за Иваном.

Они долго ходили, всё осматривали, планировали, где, что надо будет построить. Какие хозяйственные постройки, комнату отдыха для работников, ветеринарную лабораторию. Набросали примерный план. Еще раз обошли весь участок, посмотрели, куда и насколько его надо расширить.

Вечером, когда все дела по дому были сделаны, сели поужинали, Никитка пошёл во двор погулять, дед Василий с самокруткой устроился на крылечке, Иван сказал, что пойдёт прогуляется, и направился к калитке. Дед покивал головой:

– Иди, сынок, прогуляйси, а чё не прогуляться! Молодой ишшо, гуляй не хочу, а то ить, усё дела да дела, а погулять тожесть надоть. А мы с Никиткой, тута, во дворе, погуляем, – разговаривал дед сам с собой, пыхтя своей самокруткой со своим собственным табачком, выращенным в огороде.

Иван потихоньку шёл по улице, вспоминал свое детство и юность, что прошли здесь, в его родной деревушке. Встречавшиеся односельчане здоровались с ним, исключительно, по имени отчеству, ни те, кто помнил его мальчонкой, ни те, кто помнил его своим деревенским парнем, не решались назвать его Иваном, а, тем более, Ванькой. Так он дошёл до Настасьино двора. Встал у калитки, не решаясь войти во двор. Вышла Настасья, нарядная, видно ждала его, закрыла дом и пошла к нему. Под его пристальным насмешливым взглядом, шла по дорожке, как по палубе, ноги подкашивались, а сердце выскакивало из груди, и, казалось, что дорожка

через двор, бесконечная. Наконец дошла до калитки, посмотрела в его смеющиеся глаза с чертенятами и спросила:

– Что-то не так? Почему ты, когда смотришь на меня, всегда улыбаешься?

– Все так! А улыбаюсь, потому что мне приятно тебя видеть. И мне нравится смотреть на тебя. Не смущайся! Всё хорошо, ты такая красивая!

– Ну хорошо, – сказала Настасья, – пойдём!

– Куда пойдём? – спросил Иван.

Пойдём к речке на обрыв. Ты помнишь, какой красивый у нашей речки обрыв? Там, наши деревенские школьники, выпускные вечера устраивают с костром, с играми, так же, как и мы раньше, на праздники приходили сюда.

– Хорошо, пойдём! Давно я там не был, кажется, целая жизнь прошла! За те два месяца, что я здесь, у меня не было времени даже разу выйти на речку или просто пройти по деревне. Хочется, пока лето, побольше сделать.

И они, потихоньку переговариваясь и делясь своими воспоминаниями, пошли на знаменитый обрыв, у речки. Там посидели, посмотрели на речку, бегущая вода всегда завораживает. За речкой были заливные луга, которые расстились зелёным ковром вдоль речки. Иван осторожно положил ей руку на плечо, слегка приобняв, Настасья вздрогнула, но ничего не сказала, а только, как бы, съёжилась. Он это почувствовал и спросил:

– Тебе неприятно?

– Да нет, все хорошо.

Он сидел не шевелясь, боялся ее спугнуть, а она замерла под его рукой, и только сердце громко стучало в груди. Ей казалось, что Иван тоже слышит, как стучит ее сердце. И тут он не выдержал, обхватил её, повернул к себе и стал нежно и страстно целовать. Она сначала вся напряглась, а потом поняла – пропала! Они не заметили, как прошла ночь, очнулись, когда на востоке посветлело небо, и наступал рассвет.

– Настя, – сказал Иван, нежно прижимая её к себе, – мне так не хочется тебя отпускать!

– Надо идти, Иван! У тебя дел много, и мне на работу надо. Тебя, наверное, дед Василий потерял? Да и Никитка проснётся, а папки нет рядом, переживать будет. Пойдём!

Он встал, подал ей руку, обнял за плечи, и они потихоньку пошли домой. По пути он нарвал ей букет полевых цветов. Проводив Настасью до калитки, Иван быстрым шагом направился домой. У него сегодня назначена встреча с председателем, ему должны выдать все разрешительные документы, и надо будет ехать в город, оформлять участок под конюшню и получить разрешение на строительство конезавода.

Когда он пришел домой, дед Василий уже встал и хлопотал на кухне. Никитка спал, обняв отцовскую подушку и уткнувшись в неё носом. Дед посмотрел на сына, довольно хмыльнулся и спросил:

– И как ты, Ваня, нонче работать будешь? Заснёшь за рулём, как надысь наш колхозный тракторист, уснул за рулём, так его трахтур давай гулять по усему полю, проснулся, када трахтур у дерево воткнулся. Так, енто на поле! А табе по дороге, а тама машин полно.

– Ничего, отец, не переживай, у меня в бизнесе и не такое бывало, сутками, иногда, работали без сна. Так что, мне не привыкать.

– Ну-ну! А Настька еси под коровой заснёт? – дед хитро шурился и улыбался сыну.

– Отец! Ты откуда по Настю знаешь? Уже доложили? Поди Марья прибежала?

– Никто мне не докладал, и Марья не прибежала! Я старый, но не слепой!

– Ну ладно, отец, мне некогда, надо к председателю ехать, а потом в город. Давай завтракать, Никитка пусть спит. А то скоро школа начнётся, некогда будет спать. Ты пока накрывай на стол, а я, пойду умоюсь. Он вышел во двор, умылся под умывальником, а потом принёс ведро воды из колодца, и вылил на себя, взял полотенце, с силой растёрся и свеженький, как

будто и не было бессонной ночи, сел за стол завтракать. Быстро поел и отправился к председателю. Дед с внуком опять остались вдвоём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.